

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ

В.Е. Головчинер

«ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ, КАЖДЫЙ ПОНИМАЛ ПО-СВОЕМУ...» К 100-ЛЕТИЮ А.П. ГАЙДАРА

Томский государственный педагогический университет

«Если нельзя изучать литературу в отрыве от всей культуры эпохи, то еще более пагубно замыкать литературное явление в одной эпохе его создания, в его, так сказать, современности», – справедливо заметил М.М. Бахтин [1, с. 331]. И это особенно актуально по отношению к целому ряду художников советского времени. Освободившись от идеологических клише как советского, так и перестроечного времени, осмыслить творчество А. Гайдара в широком контексте отечественной литературы – насущная задача истории отечественной литературы. В русле ее предлагаю некоторые размышления о последних произведениях писателя.

Традиция изображения в произведениях литературы детских лет жизни героев отчетливо обозначилась со времени укрепления реализма с его стремлением объяснить характер, поведение взрослого человека различными обстоятельствами его становления, в том числе и обстоятельствами детства. И какое бы место ни занимали картины младых лет героев – представляли в отдельных фрагментах, главах художественных произведений или занимали значительное пространство, определяли сюжет повестей, входящих в созданное на автобиографической основе большое эпическое целое, – эти картины в большей степени, чем другие, выполняли миромоделирующие функции, вольно или невольно выражали гуманистические идеи их авторов.

Две тенденции можно выделить в изображении детства в отечественной литературе с середины XIX в. Родоначальник и первый, по определению В.А. Кошелева, классик русской автобиографической прозы – С.Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука» (1858) восстанавливает в памяти «золотое время детского счастья» как время и место формирования человека, утверждения, укрепления его в духе национальных и вечных нравственных ценностей на основе жизни семьи, идиллически воспринимаемого (вспоминаемого) быта-бытия поместного дворянства.

«Записки молодого человека» (1840), главы о детстве в «Былом и думах» (1852) А.И. Герцена неизменно соединяют пространство господских комнат и

«передней», гуманистические идеи с социальной проблематикой. Становление личности главного героя предстает как процесс духовного взаимодействия с людьми разных социальных слоев в конечном счете – в связи с осмыслением политической истории России, Европы. Изображение детства, как и других периодов жизни человека, у этого автора по-своему задано его социально-философскими идеями, характер формирования которых был задан с ранних лет («Передняя и девичья составляли единственное живое удовольствие, которое у меня оставалось... Я никак не могу представить, чтобы наша передняя была вреднее для детей, чем наша “чайная” или “диванная”... На меня передняя не сделала никакого действительно дурного влияния. Напротив, она с раннего детства развила во мне непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу» [2, с. 48, 59].

Развитие отмеченных тенденций можно видеть в другую, тоже переломную для судьбы нации пору: с герценовской линией может быть соотнесена автобиографическая трилогия М. Горького, работа над которой растянулась более чем на десятилетие (завершена в 1923 г.), с аксаковской – повесть А.Н. Толстого «Детство Никиты» (1922). У М. Горького на первом плане жизнь мальчика без родителей в семье бабушки и деда представлена уже как жизнь «в людях»: встречи-впечатления, встречи-столкновения создают основу, корректируют процесс драматически сложного нравственно-философского и политического самоопределения героя. У А.Н. Толстого поэтизируются радости, развлечения ребенка, растущего в дворянской семье (даже детские огорчения воспринимаются автором – взрослым человеком – и читателем как счастье): елка, подарки, праздники, приезд гостей, первая встреча с девочкой, поразившей воображение, первые стихи, дружба с крестьянскими детьми, выросшая из общих забав. Даже деревенские драки не нарушают ощущения гармонии, лада. Замкнутое пространство детства-дома, семьи и примыкающих к ним «дружеских» просторов, деревенских развлечений абсолютно отделено от времени и пространства создателя повести и ее читателя.

В берлинской эмиграции А.Н. Толстой отчетливо ощущал: никогда и ни для кого не повторится больше в России «детство Никиты» – детство мальчика из благополучной дворянской семьи. Россия стала другой. И тем острее ощущалось ностальгическое чувство в восстановлении деталей жизни, отношений взаимопонимания в дворянской семье, в той России, что навсегда утрачена.

Видимо, можно говорить о том, что изобразивший детство Никиты А.Н. Толстой шел дорогой С.Т. Аксакова, что он начинал и в чем-то существенном определял в послереволюционную пору одну из самых заметных, «воспоминательных», тенденций в литературе русской эмиграции (особенно первой ее волны). Лучшие произведения, рожденные в ее русле, – «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина (1930), «Путешествие Глеба» Б.К. Зайцева (1937), «Лето Господне» И.С. Шмелёва (1933–1948), «Другие берега» В.В. Набокова (1954) и др. – начинались с воспоминаний о родительском доме. Из далекой и чужой стороны навсегда потерянная старая Россия представляла страной утопически счастливого детства. Это прежде всего можно сказать о «Лете Господнем» с его миром, ладом, патриотическим одушевлением и высшей нравственностью – идеально-утопическим представлением о жизни вообще. В изображении этих авторов первые годы ребенка в родительском доме важны тем, что сообщают человеку ту необходимую ему – «положительную» энергию жизни, которая будет поддерживать его во всех жизненных испытаниях. И даже воспоминания об этих годах оказывают целительное действие: «Детство стало понемногу связывать меня с жизнью», – пишет И.А. Бунин, имея в виду примирение с эмигрантской «жизнью», в III главе «Жизни Арсеньева».

Среди произведений о детстве, написанных на автобиографической основе в метрополии, своеобразной параллелью текстам, рожденным в эмиграции, можно считать повести «Белеет парус одинокий» В. Катаева (1936), «Дорога уходит в даль» А. Бруштейн (1956), «Динка» В. Осеевой (1959) и др. В них изображена жизнь детей, растущих в семьях разночинцев в предреволюционную пору, и на месте событий, деталей неспешного, часто идиллического течения семейной жизни, показанных в произведениях русской эмиграции, в произведениях метрополии представлены социально-нравственные коллизии, ситуации встреч с детьми и взрослыми из другого социального слоя, готовность помогать им. Факты, свидетельствующие о несправедливом устройстве мира, рождают у героев мысли о необходимости его изменения уже в юные годы, что отвечало утвердившимся представлениям советского времени.

Особое место в ряду произведений о детстве, тем более «советском» детстве, занимает проза А. Гайдара, и особенно последние его произведения – «Судьба барабанщика» (1938), «Чук и Гек» (1939), «Тимур

и его команда» (1940). Гайдар не только сблизил обозначенные тенденции, сохранив и усилив их смысловые доминанты, но и уверенно обозначил свое понимание проблемы, свою особую концепцию детства и возможности его изображения. Он показал ценность личности взрослого не только как работника, но и как человека, создающего семью, условия формирования личности ребенка. В ту пору, когда герой советской литературы все силы отдавал производству, делу строительства нового мира, А.П. Гайдар поставил проблему места, значения семьи в государстве, отцовской – «отеческой» (отечества) – заботы о детях, защищенности детства как фактора, определяющего настоящее и будущее человеческого сообщества, жизни как таковой.

В логике создания названных произведений отчетливо прочитывается в той или иной мере восходящая к С.Т. Аксакову мысль А. Гайдара о важности для ребенка, для подростка, семьи, того круга близких людей, в котором он чувствует себя надежно защищенным, который постепенно готовит его к решению проблем взрослой жизни.

Лишенный семьи, оставшийся после ареста отца в полном одиночестве, не подготовленный к встрече со сложностями существования в мире взрослых двенадцатилетний «барабанщик» совершает множество ошибок, едва не стоивших ему жизни. И вину за это художник возлагает на те невидимые, неназванные, непонятные мальчику и потому еще более могущественные в его сознании силы, за которыми вырастают контуры государства. Оно лишило его семьи, определило поведение отвернувшихся от мальчика после ареста отца одноклассников, школы, прежних знакомых – всего большого дома, в котором он жил. Государственная система по-своему уподоблена мачехе, оставившей мальчика после ареста его отца. Юный «барабанщик» чувствует себя одинаково беспомощным как перед ней (государственной системой), так и перед группой преступников, среди которых оказался. Эти два социума при всей несопоставимости целей, масштабов их деятельности в сознании подростка до поры до времени неразличимы. Преступники вначале выглядят даже более заботящимися о нем, чем боящиеся за себя, бросившие его на произвол судьбы в условиях всеобщего страха второй половины 1930-х гг. соседи, чем осудившее отца мальчика и безразличное к его судьбе государство. Он должен был найти в себе внутренние силы, способности, чтобы по едва ощущаемым деталям поведения, по атмосфере существования, по отношению к окружающим понять, с кем он оказался, и начать действовать, спасая честь отца, собственное достоинство, представления о жизни, выработанные в семье, под влиянием отца, и в конечном счете свою жизнь.

Следует отметить, что разлучения, долгие и сложные пути-дороги к родным, близким людям напере-

кор всем, извне вторгающимся в семью обстоятельствам даже в детских произведениях 1930-х гг. («Снежная королева» Е. Шварца, 1938) сегодня обнаруживают симптоматику эпохи политических репрессий. В рассказе «Чук и Гек» путь детей к их отцу из Москвы к далеким Синим горам (разрешение на это отец специально просил «у начальников») завершился сказочно счастливой встречей, ощущением защищенности у мальчиков в силу забот о них и трудов всех старших, в том числе всего сильного, мужского, «отцовского» и «отечественного» мира.

В этом рассказе отчетливо просматривается «морфология сказки» – от зачина «Жил человек в лесу у Синих гор», нарушения детьми материнского запрета («не драться», «не ссориться»), утраты вследствие этого телеграммы от отца, долгого, с трудностями, пути к нему (нашелся и помощник – казавшийся ребятишкам страшным сторож базы геологов) до волшебного-счастливого воссоединения семьи и праздника в финале. Но, в отличие от счастливой завершения сказки, в рассказе «Чук и Гек» встретились члены семьи только на момент «свидания». Мать с детьми после этого праздника должна вернуться домой, в Москву без главы семьи. Сказочное восстановление семьи как проявление гармонии мира здесь возможно только на несколько дней. Но оно все-таки происходит, и оно описано как момент величайшего счастья. Этот момент усиливается совпадением ситуаций встречи детей с отцом и общей для всех, для всей страны встречи Нового года.

Традиция сбора семьи у вечного рождественского дерева после долгих лет запрещения елки в советские времена была восстановлена в конце 30-х гг. и переживалась особенно остро, включенная в празднование самого близкого по времени к Рождеству праздника – Нового года. А. Гайдар расширяет содержание финальной ситуации: у него одной семьей, собирающейся у елки, предстают в детском ощущении все присутствующие в комнате – они сами с родителями, геологи, вернувшиеся вместе с отцом из экспедиции, и все вместе люди огромной советской страны, где бы они ни находились. Праздничное единение всех советских людей обеспечивает почти сказочное для этого времени средство – недавно появившееся радио. Бой курантов Спасской башни Кремля «из далекой-далекой Москвы» в одно и то же время слушают люди всей страны – «и в городах, и в горах, в степях и в тайге, на синем море». Под этот звон «все люди встали, поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья» [3, с. 370]. Так своеобразно трансформировалась в рассказе «Чук и Гек» диккенсовская традиция рождественской истории – праздничным подарком детям, сделавшим их счастливыми, стала почти невозможная, потребовавшая преодоления препятствий и пространств встреча с отцом.

В функциях сказочных использует А. Гайдар в рассказе измерения пространства. Речь идет не только

о конкретных значениях в соответствующих единицах, но и о трех этапах испытаний с нарастающей трудностью их преодоления. После того как проехали «туда тысячу и еще тысячу километров поездом» [3, с. 358], и, вопреки ожиданиям, никто на станции их не встретил, пришлось матери уговаривать возницу, чтобы взялся довезти их на лошадях через тайгу еще сто километров. Но и это не обеспечило долгожданной встречи. Еще два дня на лыжах понадобилось идти сторожу геологической базы, чтобы сообщить начальнику партии о приезде семьи. Дорога из Москвы к подножью Синих гор оказалась для мальчиков первым вступлением в большой мир взрослой, пока еще не вполне понятной им жизни, дорогой познания (сколько увидели, с каким количеством новых людей познакомились, сколько узнали в дороге, в избушке сторожа на краю леса). А. Гайдар показал, как прирастает в сознании мальчиков пространство московской квартиры – материнское пространство детства большим миром «далеких стран», жизни государства – отцовским, «мужским» миром. За сюжетом поездки детей в гости к отцу вырастает сюжет своеобразной инициации – пути мальчиков к «мужскому дому». Это пропповское понятие возникает в связи с деталями соответствующего ряда: место встречи с отцом – база геологов – находится в далеком краю, в лесу, у подножья гор. По дороге к нему мальчики видели в окно поезда, как «проносились навстречу поезда, груженные углем, рудой и громадными, толщиной в полвагона, бревнами», видели бронепоезд с веселыми красноармейцами и молчаливым, задумчивым командиром. В сознание мальчиков входит, пока еще только зрительными впечатлениями, мир мужского труда, мужской ответственности. Со временем героям предстоит войти в него полноправными членами. А пока им еще расти и расти в комфорте столицы, в тепле московской – «материнской» – квартиры.

Встреча отца с матерью, детей с отцом оказалась краткой, но она дала им всем тем более сильное ощущение счастья, полноты жизни, общего единения, взаимопонимания, гармонии – того, что необходимо каждому человеку, но в юном возрасте особенно для выработки «иммунитета» на всю оставшуюся жизнь.

В повести о Тимуре снова речь идет о неполных семьях: об одиноких пожилых людях, женщинах с малыми детьми без мужей, о детях, до времени лишенных общения с родителями, – о тех, кто остро нуждается в помощи. Таких в подмосковном городке, и не только в нем, много. В самых драматических ситуациях москвичку Женю, оставшуюся без матери и отца (он командует бронепоездом, может быть, тем, что Чук и Гек видели из окна вагона по дороге к Синим горам), выручает Тимур и его команда. Особенно важен в истории девочки последний эпизод. Было две телеграммы о возможности увидеть отца, проездом следующего через Москву, но Женя получила их

поздно, когда все вечерние поезда уже ушли. Тимур принимает чрезвычайное решение, он берет без разрешения дяди его мотоцикл, мчит через ночь: «дочь командира в беде!» – и Жене благодаря его «сказочной» помощи все-таки удается увидеться с отцом. К этому моменту устремлен сюжет героини – только отцу она смогла рассказать о себе все, он ее понял, поддержал, и недоразумения со старшей сестрой оказались исчерпаны.

К самому бронепоезду, чтобы проводить его, отец дочерей взять не мог. Но повесть заканчивается все-таки эпизодом на вокзале – проводками в армию дяди Тимура, которому объяснили, зачем без разрешения был взят мотоцикл и куда ночью делся его племянник. Повесть завершается тем кратким мигом понимания, когда разъяснились все недоразумения, моментом единения всех оставшихся после проводов близкого человека. Проходит мимо станции, не останавливаясь, эшелон с красноармейцами и покачивающимся часовым, уходит другой, унося дядю Тимура. «Ну вот, – чуть изменившимся голосом сказал он, – теперь я и сам остался один». «А я, – закричала Женья, – а они? – Она показала головой на товарищей» [3, с. 298].

С силой государства, «призывающего» мужчин всех возрастов в армию, забирающего их из дома (глагол «забрали» в сталинские времена имел и совершенно определенный, связанный с массовыми репрессиями смысл), – с этой мощной государственной организацией, разлучающей членов семьи, лишаящей детей опоры (это постоянные мотивы поздней прозы А. Гайдара), оказалась по-своему соотносена тайная организация детей, помогающая людям, творящая добро. Центральная сюжетная линия девочки Жени в последней повести отчетливо соотносится целым рядом моментов с «судьбой барабанщика», только все трудности девочки, случившиеся из-за

отсутствия отца, решаются каждый раз сказочно счастливо благодаря участию в ее «судьбе» «команды» Тимура. Созданная Гайдаром-Тимуром «команда» ребят предстает как гипотетическое образование, как не существующее в реальности бескорыстно-благородное, высоконравственное сообщество в функциях «сказочных помощников». Эта организация детей выполняет обязанности старших, сильных в семье. В маленьком подмосковном городке, где разворачивается действие повести, эта организация – «команда» – объединяет силы малых для помощи оставшимся в одиночестве женщинам, детям, дает отпор хулиганам, защищает слабых.

Объединение детей и немногих понимающих их взрослых как единственная возможность помощи нуждающимся, когда государство создает чрезвычайные условия существования, – эта гуманистическая идея А. Гайдара конца 1930-х выходила далеко за пределы не только официальной советской идеологии, с которой многие до сих пор связывают творчество писателя, но и детской литературы. Эта воплощенная в художественном произведении идея имела жизнетворческий, жизнестроительный общечеловеческий потенциал – она породила общественное движение: по всей стране по образу и подобию представленной в повести «команды» создавались тимуровские отряды для помощи семьям военнослужащих, тем, кому она необходима. Трудно сказать, где в такой помощи нуждались больше, – в семьях, которым предстояло потерять близких на войне (шли кровопролитные бои Финской кампании, подступала к границам родины Вторая мировая война), или в семьях, сиротство которых связано с массовыми репрессиями. Помощь была нужна. И писатель-гуманист, выходя за пределы собственно художественного творчества, подсказывал, показывал, что конкретно можно делать.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Герцен А.И. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1988.
3. Гайдар А. Сочинения. М.; Л., 1948.